

течественная война 1812 года совершенно заслуженно относится к числу грандиозных событий российской истории. Народная память сохранила для потомков имена талантливых русских полководцев, отважных офицеров и солдат, партизан и ополченцев, за шесть месяцев разгромивших самую сильную в Европе армию. В XIX веке благодарные потомки воздвигали в честь победы над Наполеоном храмы, архитектурные ансамбли и монументы, устраивали экспозиции и портретные галереи; спустя столетие пришло время музеев, грандиозных панорам и мемориалов.

Но военно-исторические сюжеты и героика сражений неизбежно оставляли в тени повседневную жизнь современников, проживавших как в оккупированных городах и сёлах, так и в прилегающих к полосе вторжения губерниях. Именно в последних и искали приют многие покинувшие свои дома жители захваченных территорий. Трагизм бытия беженцев, их взаимная поддержка — всё это сохранили мемуары и архивные документы. Но при всей полезности и важности они содержат в основном информацию о несчастьях, обрушившихся на «мир взрослых», в то время как много меньше имеется сведений о невзгодах «мира юных» — детей и подростков. Тому есть свои причины.

Во-первых, от приближающегося врага спасались семьями, и, как след-

ствии, специальные детские сюжеты представлены в источниках по минимуму или фрагментарны. А во-вторых, случаи эвакуации учебных заведений в 1812 году единичны. Действительно, находившиеся вблизи западной границы губернские центры (Минск, Вильно, Гродно), где располагались гимназии, были захвачены неприятелем довольно быстро, а перемещение могилёвской и смоленской гимназий в глубь страны и не предполагалось. Часть учебных заведений Петербурга (Смольный институт благородных девиц, пажеский и кадетский корпуса, Иезуитский институт, Царскосельский лицей) и «прифронтовых» губерний (владимирская тульская, ярославская гимназии и Демидовское училище высших наук) подготовились к выезду «при первой тревоге». Правда, по причине отступления в октябре французской армии из Москвы «разрешительные» указания начальства на сей счёт не последовали.

В итоге документально подтверждена эвакуация учащихся из четырёх городов: Петербурга, Москвы, Калуги, Твери. В Петрозаводск из северной столицы были отправлены воспитанники Академии художеств, губернской гимназии и педагогического института, в Коломну и Рязань — ученики московской губернской гимназии, в Рязань — калужской гимназии с благородным пансионом и местного уездного училища, в Ярославль — тверской гимназии. Имущество Ярославского демидовского училища было переправлено в близлежащий город Романов. При сравнении обстоятельств исхода и нахождения в местах прибытия выяснилось, что, кроме московской гимназии, эвакуация всех школ была проведена заблаговременно с размещением в относительно приемлемых условиях; возвращение их проходило с ноября 1812-го по март 1813-го года. Напротив, тяготы, выпавшие на долю московских гимназистов и их наставников, оказались огромными и заслуживают отдельного подробного рассказа, тем более что Коломна сыграла решающую роль в спасении юных беженцев. Материалы об этом представлены в документах фонда директора народных училищ в рязанском областном архиве, в обзорных работах о событиях 1812 года в Рязанской губернии, в трудах по истории Московского государственного университета и Московской 1-й гимназии.

Но предварительно полезно сообщить любознательному читателю самые общие сведения о московской губернской гимназии начала XIX века. Она была открыта второго января 1804 года в рамках просвещенческой реформы Александра I и создания в губернских городах всесловных средних учебных заведений, предназначенных как для желавших поступить в университет юношей, так и «для тех, кои не имея намерения продолжать обучение в университете, могли бы приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека». В 1812 году в ней числился 101 ученик и имелся пансион, где проживало около 40 человек — за плату и за счёт казны. Относительно небольшое количество учащихся в гимназии объясняется тем, что знатные дворяне предпочитали обучать своих детей дома, в частных пансионатах и кадетских корпусах, а потому в составе учеников значились выходцы из небогатых дворянских и разночинских семей, проживавших в Москве и ближних к столице губерниях (о значимости тогда сословного фактора говорит, например, расселение по разным комнатам пансионеров из благородных и разночинцев; позднее для них откроют отдельные пансионаты).

*Петр Михайлович Дружинин –
директор Московской губернской
гимназии (1804 – 1827)*

О распорядке дня в гимназии и пансионе нам известно из мемуаров М. П. Погодина, выпускника 1818 года, ставшего видным российским историком. Вставали пансионеры в 5 часов. С 8-ми до 12-ти шли уроки (два урока). В 12.30 начинался обед, состоявший из щей и каши, а после обеда пансионеры играли на гимназическом дворе. С 14 до 16 часов проходил послеобеденный урок. Затем следовали часовой отдых, полдник в виде куса чёрного хлеба и до 20 часов подготовка в своих классах уроков. После скромного ужина и молитвы ученики в 9 часов вечера ложились спать. Летом по праздникам пансионеры совершали экскурсии на Воробьёвы горы, где им давали по калачу и кружке молока. Приходящие гимназисты-москвичи придерживались такого же расписания уроков, а домашние задания выполняли под присмотром родителей или гувернёров.

Возглавлял гимназию известный педагог Павел Михайлович Дружинин. В административном, финансовом и методическом отношении гимназия подчинялась Московскому университету. Приведём перечень гимназических учебных дисциплин: латинский, немецкий и французский языки, география, история с «мифологией и древностью», статистика, математика, опытная физика, естествознание, рисование, а также философия, «изящные» и политические науки (политическая экономия и право), основы коммерции и технологии. Закон Божий не изучался, ибо догматы христианской веры ранее преподавались в уездном училище. Об уровне подготовки в гимназии можно судить по отзывам её выпускников. К примеру, тот же Погодин с благодарностью вспоминал своих наставников: педагога латинского и немецкого языков Любима (Арнольда) Антоновича Лейбрехта (он «много добра, много пользы принёс своим воспитанникам»), преподавателя русской словесности «добрейшего и учёнейшего» Семёна Мартыновича Ивашковского, учителя географии, истории и статистики Алексея Егоровича Добровольского, умевшего внушать к себе благоговение, что «есть важное достоинство в учителе и профессоре».

1812 год стал рубежом в истории губернской гимназии. Учебные занятия начались, как обычно, 1 августа, но приближение к Москве армии Наполеона резко изменило спокойное течение гимназической жизни. 26 августа училищный комитет Московского университета распорядился начать подготовку к вывозу гимназического имущества, предоставив для

*Павел Иванович Голенищев-Кутузов –
попечитель Московского учебного
округа (1810–1816)*

этого лишь 15 подвод. Поэтому было решено отправить гимназическую казну, библиотеку и самые необходимые вещи, и 29 августа обоз с запечатанными гимназической печатью ящиками под охраной нескольких солдат выехал вместе с университетской казной в Нижний Новгород.

Учебные занятия были прекращены ещё 26 августа, а ученики, имевшие семьи и родственников в Москве, распущены по домам. Учителя гимназии получили 31 августа отпускные билеты и дозволение от попечителя

Московского учебного округа П. И. Голенищева-Кутузова «при нынешних обстоятельствах оставить Москву». Однако в гимназическом пансионе оставались учащиеся — не москвичи, смотрителем при которых находился учитель математики и физики Егор Николаевич Назарьев — выпускник Петербургской учительской семинарии, имевший многолетний опыт преподавания в Новгородском и Московском главном народном училищах. Каких-либо указаний от университетского руководства по поводу пансионеров директор гимназии Дружинин не получал (в суматохе о них, видимо, забыли), и тогда, «крайне озабоченный их спасением», он принял решение отправить своих питомцев вместе с Назарьевым и пятью служителями в Коломну для размещения в уездном училище. В результате 1 сентября, т.е. менее чем за сутки до вступления неприятеля в Москву, обоз с детьми покинул город, а так как необходимого количества подвод раздобыть не удалось, то большая часть из 33 пансионеров отправилась пешком. Отдадим должное Дружинину — лишь обеспечив безопасность всех учеников, укрыв казённое имущество и поручив сторожам присмотр за зданием гимназии, он уехал 1 сентября по Владимирскому тракту вслед за университетским высшим начальством, чиновниками казначейства и Приказа общественного призрения.

Что же касается Назарьева и его подопечных, то обстоятельства их перехода из Москвы в Коломну остаются, к сожалению, неизвестными. Возможно, они были схожими с теми, что описал в мемуарах известный государственный деятель середины XIX века Валериан Иванович Сафонович — в описываемое время 14-летний воспитанник Благородного пансиона при Московском университете. Как и гимназисты, он был вынужден покинуть Москву вместе со служителями и несколькими товарищами, чтобы добраться через Коломну до деревни Митягино Рязанской губер-

нии — родины эконома Болотова, заведовавшего пансионным хозяйством. Но если учеников губернской гимназии отправил сам Дружинин, то директор Благородного пансиона А. А. Прокопович-Антоновский предпочёл уехать из Москвы первым, поручив заботы о пансионерах Болотову.

Сафонович подробно рассказывает, что происходило далее.

«Пансион совсем опустел; из надзирателей никого не осталось. 30-го августа мы бегали по городу и ужаснулись пустоте... При нас оставался один эконом пансиона Болотов, которому поручено отвезти нас во Владимир. Ему было не до нас; в это время у него своих хлопот было довольно. Вечером того же дня мы слышали пушечную пальбу; но никто не умел объяснить нам, что это такое. Мы полагали, что это обещанное генеральное сражение под Москвой, и с нетерпением ожидали его результатов. Всю ночь на 31-е число мы провели в самом грустном положении, совершенно одни, без всякого начальства. Никто почти не спал; трусливые плакали; я был исполнен негодования против французов и придумывал, как бы насолить Наполеону. Мне пришла мысль написать на дверях какого-нибудь чулана оскорбительное насчёт его выражение; но я рассудил, что если Наполеон прочтёт подобную фразу, то с досады велит наказать кого-нибудь из оставшихся в доме, и может быть даже расстреляет. Я никого не хотел вводить в беду, и злостное моё намерение было оставлено.

1-го Сентября (в воскресенье) нам объявлено было, что мы отправляемся из Москвы. У нас не было ни лошадей, ни экипажей. Надобно было всё это достать. Непонятно, почему прежде о том не распорядились...

Конечно, больше всех виноват в этом эконом Болотов; он по своему русскому человеку «авось» надеялся устроить хорошо, ... но захлопотался другими делами и не успел заготовить повозок и лошадей для отправления нас в предназначенный путь как следует... Однако нельзя оправдать и Антоновского. Он поспешил уехать в деревню за несколько дней до нашего отправления, вероятно понадеявшись на Болотова, что он устроится, как должно, с нами, тогда как ему следовало отправить нас при себе и потом уже уехать. ... Болотов объявил нам, что лошадей у него для отправления нашего нет, и поручил нам самим похлопотать о них. Поздно он за это хватился!.. Все лошади, какие только годились, забраны были уезжавшими из Москвы, а также проходившими командами и торгующим людом... Все бегали по городу искать лошадей; мы заходили во все дворы узнать, нет ли где продажных хотя бы кляч, расспрашивали каждого встречного. Почти полдня мы, таким образом, пробегали. Наконец, наткнулись на мужичка, сидевшего спокойно на улице. «Не знаешь ли, любезнейший, где бы достать вам парочку лошадей?..» Он добродушно посмотрел на нас — детей — и указал на один дом, невядалеке, прибавив: «Там, кажется, найдёте продажных лошадей». И в самом деле, оказались там две незавидные лошадки, которые тотчас мы сторговали за цену, довольно выгодную по тогдашним обстоятельствам, и именно за 80 рубл. После того приискана была телега. С большим торжеством приведены были лошади на пансионский двор. Началась укладка вещей. На телегу взвалили всё, что могло уложиться. Большую часть наших вещей, как-то: перины, подушки, книги, некоторое платье — пришлось оставить в Москве в добычу французам. При нас был дядька, наш крепостной человек; он успел захватить с собой почти всё наше бельё, какое только было.

Прочие товарищи, у которых дядек не было, ничего с собою не взяли, так что впоследствии мы должны были поделиться с ними рубашками. Эконом главнейше заботился о казённом имуществе и клал на воз также свои вещи... К 6-ти часам вечера мы были готовы в путь и тронулись с места. ... Все мы — дети и бывшие с нами люди — пошли пешком; на воз никому сесть нельзя было: он так был нагружен вещами. Всего нас было 10 человек. Из воспитанников: два брата Гудимы-Левковичи (киевляне), Милорадович (из Кременчуга, Полтавской губернии), Гулевич из Пензенской губернии, Подъяков из Вологодской губ. и нас двое (с младшим братом — *Н. В.*). Прочих трое: эконом, наёмный слуга немец и наш человек Осип. Куда нас вели, никто ничего не знал, но мы не слишком скучали. Это разнообразие в жизни, перемена предметов, отсутствие строгого надзора, некоторая самостоятельность в действиях — всё это на первых порах нас утешало и занимало. О будущем в голову ничего не приходило... Об одном только думали, как бы поесть...

Когда мы подошли к заставе на Рязанской дороге, было уже темно; мы шли ещё около часа... Бесчисленное множество обозов и экипажей разного рода тянулось по этой дороге; пешеходы шли тысячами. Наконец совсем смерклось; надобно было подумать о ночлеге; но где его найти? В ближайшем от Москвы селении, где мы думали переночевать, все избы были заняты проезжающими и проходящими. Для нашего каравана недостаточно было одной избы, если бы и отыскалась свободная. Положено было провести ночь в открытом поле. Достали с воза ковры, рогожи, простыни, одеяла, разложили всё это на траве, купили в деревне молока, поужинали, помолились и улеглись, кое-как укутавшись в шинели; но уснуть было трудно: сырость и холод проникали до костей. Сверх того, новость положения, некоторое беспокойство духа и неизвестность, чем кончится наше путешествие, отнимали всякий сон. Часу в 12-м ночи я увидел зарево Москвы. Горело в трёх местах, французов в Москве ещё не было, и это надобно было отнести к случайным пожарам, если только не было намеренных поджогов с известной целью.

Часов в 5 нас подняли; вскоре взошло солнце; погода была довольно тёплая; мы вскочили, протёрли глаза; нам дали что-то поесть, и мы пустились дальше в хорошем расположении духа. Некоторые из нас очень устали и с трудом тащились; тогда таких вскидывали на воз; один отдохнувший уступал место другому. Сидевший на возу обыкновенно и правил лошадьми. Это нас очень забавляло. Я никогда не садился на воз: достаточно было силы идти всё время пешком. Обыкновенно я дорогой читал, взявшись рукою за воз и бредя за ним медленным шагом. Со мною были Труды Общества Любителей Российской Словесности...

На другой день, т.е. 2 сентября, мы прошли, таким образом, около 20 вёрст. Мы стали привыкать к нашему положению. В среду, 4 числа, когда мы были уже верстах в 70 от Москвы, мы увидели огромное зарево.

Подходя к Коломне, мы сильно были перепуганы пьяными солдатами, скакавшими нам навстречу. Они кричали, что неприятель подходит к Коломне. От страха мы не знали, что делать; назад идти худо, подвигаться вперёд тоже нехорошо... Я упрашивал направиться в сторону, указывая на какую-то деревеньку. Составили совет; с нами было много пешеходов, следовавших по той же дороге... Мы рассуждали, что неприятель никак

не мог так скоро обойти Москву и пройти так, чтоб показаться впереди нас, и заключили, что безумные солдаты, верно шутя, кем-нибудь были напуганы. Мы решили идти вперёд... Другие попадавшиеся проезжие нас окончательно успокоили... Недалеко от Коломны попался нам мужик на телеге, в одну лошадь; мы разговорились... Между прочим, зашла речь о том, не продаст ли он нам лошадь с телегой. Мужик согласился; с ценой сладили, и мы приобрели экипаж, куда тотчас и забрались. Один из нас правил лошадью, и мы пустились рысью к Коломне, оставя далеко за собой наш воз с багажом. Надобно было видеть радость нашу, когда мы неслись на нашей лошадёнке, с каким наслаждением отдохнули от длинного странствования пешком!

В Коломне мы переночевали. Здесь Болотов придумал отправить двух братьев Гудим-Левковичей на родину и нанял им извозчика за 270 р. асс.; почему распоряжение его остановилось на них только, а не на других из нас, объяснить не умею. Гудим-Левковичи были также очень молоды и распоряжаться собой ещё не могли; за всем тем Болотов нашёл возможным их отправить одних, без человека, на произвол одного извозчика. При расставании с товарищами я искренно плакал... Общее несчастье связало нас тесною дружбою...». (Спустя два дня беженцы достигли деревни Митягино, где находились около двух месяцев; в течение октября Болотов постепенно отправил детей к их родителям, нанимая местных извозчиков.— *Н. В.*).

Как видим, оба обоза покинули Москву 1 сентября (с гимназистами — в первой половине дня, а с университетскими пансионерами — вечером); путь до Коломны протяжённостью более 100 вёрст они прошли в потоке беженцев примерно за пять дней и прибыли на место 5 или 6 сентября.

Город застали в паническом состоянии. Приведём свидетельство писателя С. Н. Глинки, который приехал в Коломну к брату-артиллеристу Владимиру «поутру» 6 сентября: «Весь город был в тревоге от молвы, будто бы к нему приближается неприятель. ... Казалось, что и камни улиц собирались бежать. Обгоняли, толкали друг друга. ... Никто не останавливается, никто не слушает. У всех одна мысль: спастись и спасти жизнь». Другой беженец, протоиерей А. И. Лебедев, также упоминает о коломенцах, «страшно напуганных проходившим через город каким-то нашим отрядом и распустившим слух, что за ними гонятся французы. Множество народа бросились из Коломны вон, и город заметно опустел».

Приведённые фрагменты воспоминаний полностью подтверждают рассказ Сафоновича о повстречавшихся под Коломной пьяных солдатах, кричавших о близости французских войск. Панические слухи подействовали «ошеломляющим образом» — началось, как признавали спустя полгода сами горожане, «спешное, стремительное бегство из города. Все коломенские граждане, исключая немногих, рассеялись по городам, селениям и лесам». Из чиновников остался городничий Ф. А. Дашков, а из пастырей — священник И. Твердовский.

Сложившаяся в Коломне тревожная обстановка объясняет поведение учителя Назарьева, опекавшего губернских гимназистов. Видимо, прибыв в город, он направился, как ему было предписано Дружининым, в коломенское уездное училище, к заведующему Семёну Семёновичу Флоринскому. Остаётся неизвестным, находился ли Флоринский в училище или,

как многие, уже покинул город. Если встреча состоялась, то, скорее всего, педагоги приняли решение отправить детей-беженцев в более безопасное место — в Рязань. В случае же отсутствия Флоринского Назарьев пришёл к такому же выводу самостоятельно.

Точной информации о дате выезда обоза с гимназистами из Коломны не имеется, но известно, что они прибыли в Рязань 11 сентября. Расчёты показывают, что при движении со скоростью 20–25 вёрст в день расстояние в 80 вёрст до Рязани могло быть преодолено примерно за три дня. Присовокупим к ним время нахождения в заторе при переезде через Оку, где, по словам А. И. Кошелева, «была страшная давка, толкотня и ужасный беспорядок»; здесь пригодятся уточнения С. Н. Глинки: «от бесчисленного скопления повозок, карет, колясок, телег, кибиток, дрожек иногда дожидались переправы по двое суток и более». В таком случае общая длительность этого грустного, по оценке Кошелева, «путешествия» могла составить не менее чем 4–5 дней. Следовательно, в Коломне Назарьев надолго не задержался, вещи не разгружались вовсе, и гимназисты отправились далее в изгнание не позже 8 сентября, проведя в городе одну или две ночи (в училище или на берегу Оки?).

Итак, 11 сентября «путешественники поневоле» добрались до Рязани и разместились в рязанской мужской гимназии, которой руководил Михаил Иванович Клечановский. К тому времени в городе уже находились учителя и воспитанники калужских учебных заведений — они прибыли в начале сентября согласно предписанию окружного попечителя Голенищева-Кутузова об эвакуации «со всеми вещами, гимназии принадлежащими», училищ Калужской и Тверской губернии «в случае опасности, могущей произойти от пришествия ... неприятеля». По ходатайству Клечановского, рязанский губернатор И. Я. Бухарин распорядился отвести калужанам «квартиры обывательские», а для складирования учебного имущества назначил «дом казённый». Всё это позволило Клечановскому 13 ноября в донесении попечителю сообщить, что никто из эвакуированных «никакого стеснения и нужды не имеет».

Не меньшую заботу проявил Клечановский и о московских гимназистах. И речь идёт не только о поселении их в гимназическом здании. Дело в том, что директор Дружинин, по понятным причинам не получив для гимназии «сентябрьскую треть» (т.е. казённые деньги на последние четыре месяца года), не смог выдать Назарьеву перед отъездом из Москвы достаточную сумму «на содержание» учеников. Сложность положения Назарьева осознавал и сам Дружинин, который, будучи в городе Вязники Владимирской губернии, отправил 14 сентября Клечановскому письмо следующего содержания: «Первого числа сего месяца отправил я надворного советника Назарьева с питомцами Московской губернской гимназии в Коломну, но по обстоятельствам судя, я полагаю, что они должны быть в Рязани. Покорнейше прошу, в случае надобности, сделать им всякое пособие и если потребуются деньги, снабдить их из училищной суммы, сколько им будет нужно, на счёт Московской губернской гимназии» (примечательно, что письмо с просьбой «призреть питомцев гимназии» Дружинин отправил и Флоринскому в Коломну). Не получив ответ, так как почтовая связь действовала с большим опозданием, Дружинин в письме 25 сентября Клечановскому из Нижнего Новгорода

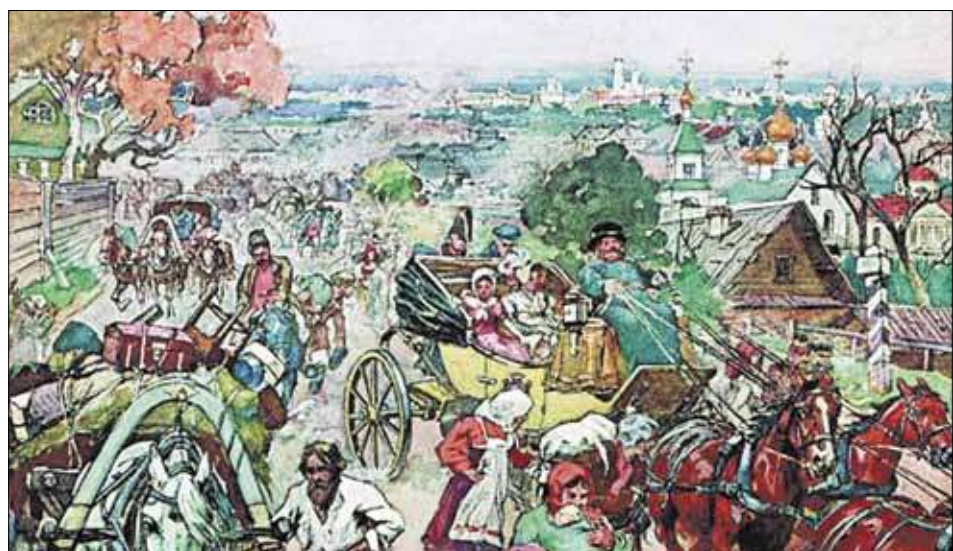

Здание Рязанской губернской мужской гимназии (фото конца XIX – начала XX вв.)

не только повторяет, но и детализирует свою просьбу: «Сим ещё прошу вас не оставить их в случае надобности, снабдив их всем, что будет им нужно, на счёт Московской губернской гимназии. Квартира может им отведена быть в новом гимназическом доме. На стол, по мнению моему, достаточно положить на каждого пять рублей в месяц, которые прошу вас выдавать г. Назарьеву ежемесячно с распискою. ... Впрочем, я всего ожидаю от вашего благоразумия и надеюсь, что если бы по обстоятельствам принуждены были следовать и далее, вы не оставите подать им руку помощи». Просьбу Дружинина поддержал, со своей стороны, и попечитель учебного округа.

В Рязань письма Дружинина были доставлены 12 октября (!), а 19-го Назарьев, у которого оставалось мало «наличной суммы», обратился к Клечановскому с рапортом, в котором сообщил, что нет «надежды вскоре получить нужные на содержание ... питомцев деньги, в чём скоро последует необходимая надобность». И поэтому «крайность» ситуации вынуждает его просить «о снабжении ... деньгами заимообразною выдачею на счёт Московской губернской гимназии из сумм, принадлежащих Рязанской, ... хотя на два месяца вперёд», до поступления денег от своего директора. В результате необходимую сумму 500 рублей Назарьев получил (Московская гимназия возвратила деньги Клечановскому в начале октября 1813 года).

Характеризуя пребывание Назарьева в Рязани, Клечановский писал попечителю, что «жил он здесь во всё время с питомцами в гимназическом доме, и ему со стороны моей оказываемо было всякое зависящее от меня вспомошествование и спокойствие». Но на самом деле не всё было так гладко. В начале октября губернатор отказал в выделении московским ученикам пособия, сославшись на отсутствие «на этот счёт ... распоряжений от своего начальства» (Клечановский, как известно,

Н.С. Самокиш. 1812 год. Жители оставляют Москву, 1912 г.

поступил иначе). А в одном из донесений Дружинину Назарьев сообщил, что «по причине великой стужи в тамошнем гимназическом доме жить почти невозможно». Поэтому директор приказал Назарьеву немедленно перебраться в Коломну (если у учеников «достаточно тёплой одежды») и там оставаться, пока не появится возможность возвращения в Москву. Такое решение Дружинина было вызвано не только заботой об учениках, но и обуславливалось благоприятной ситуацией на театре военных действий: к исходу октября армия Наполеона, оставив Москву и потерпев поражение под Малоярославцем, отступала по Старой смоленской дороге, что создало условия для реэвакуации покинувших Москву учреждений и жителей.

Отдадим должное Ключановскому: по его ходатайству рязанский губернатор предоставил «потребное число подвод до Коломны безденежно», а выданные ранее 500 рублей позволили Назарьеву не беспокоиться о содержании гимназистов. И в начале ноября они, в сопровождении учителя и служителей, прибыли в Коломну и разместились в помещении уездного училища.

К середине месяца в Москву возвратился Дружинин, чтобы, по поручению ректора университета И. А. Гейма, определить состояние зданий и помещений университета и гимназии. Теперь он мог оказать реальную помощь своим пострадавшим питомцам: 28 ноября отправил в Коломну на двух подводах «тюфяки, подушки и разные другие вещи» для устройства спален. Но главное — Назарьеву было приказано «распределить питомцев гимназии по классам и позаботиться о возобновлении занятий». Если вдуматься, то намерение Дружинина возобновить учебный процесс для трёх десятков пансионеров превращало коломенское уездное училище в действующий филиал губернской гимназии, поскольку основное здание в Москве сгорело, учителя и ученики разъехались, а перспективы «открытия учения» в столице были весьма туманными.

Но реализация этого плана предполагала, во-первых, возвращение в классы учителей, а, во-вторых, обеспечение персонала жалованием, а учеников — содержанием за счёт казны, так как в условиях военной неразберихи ожидать платы от их родителей было бессмысленно. И если в финансировании гимназии Дружинин получил поддержку окружного попечителя и ректора, что позволило посылать в Коломну «довольно значительные суммы» целый год, то с «розысканием» учителей возникли немалые трудности. Получив 31 августа отпускные билеты, они покинули Москву, и место пребывания большинства было неизвестно. Поэтому Дружинин обратился в декабре к тем из них, с кем мог «без особенного труда сноситься»: к Л. А. Лейбрехту и А. Е. Добровольскому, предписав им отправиться в Коломну, «поместиться в здании уездного училища и немедленно приступить к учебным занятиям с пансионерами». А для того чтобы побудить уехавших педагогов вернуться на службу, в одном из февральских номеров газеты «Московские ведомости» в 1813 году было помещено объявление министра народного просвещения графа А. К. Разумовского, предписывающее «всем высшим и нижним чиновникам при университете, губернских гимназиях и уездных училищах по Московскому учебному округу немедленно явиться, без изъятия, к своим должностям, при каких кто состоит».

Сколько преподавателей откликнулись на это объявление, остаётся невыясненным, но далеко не все они располагали деньгами для возвращения в Москву. Так, упомянутый выше С. М. Ивашковский сообщил в марте 1813 года из Воронежской губернии, что «его из великодушия приютил тамошний помещик Татарчуков, и, лишившись в Москве всего имущества, он, за неимением средств, не может явиться». Как следствие, Лейбрехт и Добровольский оказались единственными учителями, кто приехал в Коломну к своим ученикам в начале 1813 года.

Однако приступить к занятиям сразу им не удалось вследствие того, что гимназисты, «наравне с другими обывателями, переболели жестокою горячкою, которая восприняла начало в тех местах, где многочисленные неприятельские войска без всякого порядка и присмотра проходили». В данном случае речь идёт об эпидемии тифа, охватившей как французскую и русскую армии, так и население прифронтовых территорий, в том числе Смоленской, Калужской, Рязанской губерний и западных уездов Московской. Видимо, не миновала эта беда и Коломну, но в заслугу опекавших пансионеров взрослых можно отнести отсутствие смертельных исходов среди заболевших детей благодаря заботливому уходу и своевременно принятым гигиеническим мерам.

Регулярная учёба началась лишь после выздоровления учеников. Можно не сомневаться, что, имея большой педагогический опыт, учителя организовали проведение уроков по отдельным классам и классным комнатам в рамках распорядка дня, заведённого в губернской гимназии. Что касается учебных дисциплин, то преподавание большинства из них обеспечили находящиеся в Коломне педагоги: Назарьев (математика, физика), Добровольский (география, история, статистика), Лейбрехт (латинский, немецкий и французский языки). Вполне возможно, позднее к ним присоединился и преподаватель русской словесности Ивашковский, которому 4 апреля 1813 года было объявлено о начислении жалования за семь месяцев, что позволяло оплатить дорогу из Воронежа к месту службы.

Здание Коломенского уездного училища (современный вид)

В таком виде занятия продолжались до конца 1813 года. А это означало, что гимназический пансион функционировал в Коломенском уездном училище как полноценное учебное подразделение: зимой и весной по расписанию шли уроки, с конца июня наступили летние каникулы, и учащиеся разъехались по родительским домам, а в августе они вернулись в Коломну и возобновили учёбу.

Между тем директору Дружинину удалось сделать невозможное. Менее чем за год он подыскал и нанял в разорённой Москве подходящее здание для гимназии — большой дом купца Фридриха Ланга в Среднем кисловском переулке у Арбатских ворот (по воспоминаниям Погодина, в доме было «шесть комнат внизу — классы, сверху шесть комнат для учеников. По бокам — квартиры для учителей, комнаты по две»). Поехав в Петербург, Дружинин добился у Министерства просвещения ассигнования средств для ремонта помещений и приобретения учебного оборудования и инвентаря: классных досок, столов, кроватей, посуды.

К началу декабря комнаты в доме Ланга были приспособлены для учёбы и проживания, что позволило организовать переезд пансионеров из Коломны в Москву. И 16 декабря Дружинин с гордостью сообщил училищному комитету при Московском университете и о возвращении своих питомцев, и о том, что «учение в гимназии приватно открыто». Спустя три недели, 8 января 1814 года, состоялся торжественный акт послевоенного открытия губернской гимназии. А Коломна навсегда вошла в историю Московского университета как место, где в 1812 году юные гимназисты получили спасение, кров и возможность учиться, несмотря на обрушившиеся на них испытания и невзгоды.